

Победа в войне в духовном смысле была торжеством Православия, победой Святой Руси над богоборцами, которые напали на наше Отечество в день Всех святых, в земле Российской просиявших.

Может быть, это был знак свыше, что в этой страшной войне к сонму всех русских святых, предстателей за народ наш и страну нашу пред Богом, прибавится еще огромное святое воинство тех, кто жизнь свою положит на поле брани "за други своя" или падет невинными жертвами злой воли.

В народе сохраняется предание о том, что Жуков возил по фронтам Казанскую икону Божией Матери, что подтверждал архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

Дочь маршала М. Жукова писала об отце: "Семилетней девочкой повез ты меня в Троице-Сергиеву Лавру. Из памяти стерлись подробности той поездки, но помню, что был большой церковный праздник. Так впервые я побывала у преподобного Сергия. Потом ты рассказал мне, как Дмитрий Донской сражался на Куликовом поле, а преподобный Сергий благословил его, сказав: "Ты победишь".

Я иногда задумываюсь, кто же был тем Сергием, шепнувшем тебе в страшные дни 1941-го: "Ты победишь"? Откуда ты черпал уверенность в победе? Когда многие пали духом, ты, не колеблясь, сказал: "Москву мы не сдадим. Костями ляжем, но не сдадим".

И вопрос: "Кто же был тем Сергием?" - не остался без ответа. Таким человеком, как стало недавно известно, был последний оптинский старец Нектарий.

Преподобный Нектарий Оптинский

В 1923 году Оптиная пустынь была закрыта. Отец Нектарий переехал в село Холмищи в 30 верстах от Козельска. Он жил в доме крестьянина Андрея Ефимовича Денежкина. Несмотря на слезку, установленную за ним, до самой смерти старца посещали люди. Знаменательно, что патриарх Тихон многие вопросы решал, советуясь с ним.

О том, как приезжал к старцу Жуков, бывший тогда командиром кавалерийского полка, рассказала дочь хозяина дома, где жил отец Нектарий, Екатерина Андреевна Денежкина (ныне покойная). Это было примерно в 1925 году. Подробности этих встреч (по некоторым свидетельствам, встреча была не одна, будущий маршал приезжал несколько раз, оставался даже ночевать) для нас пока - тайна. Может быть, мы когда-нибудь узнаем их, если Господу будет угодно. А пока что, по милости Божией, стало известно, что прославленный в лике святых последний оптинский старец Нектарий благословил Жукова, сказав, как вспоминает Екатерина Андреевна, что везде ему будет сопутствовать победа. "Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет".

Провел ли отца Промысел Божий через скорби, испытал ли его, сохранил ли? Бесспорно, это видно по его жизни. Священник Василий Всесвятский (Никольского храма села Угодский Завод) крестил младенца Георгия в жизнь вечную. А его сын Николай, волостной врач, спас отцу его земную жизнь в 1918 году, когда он дважды болел тифом - сначала сыпным, затем возвратным, и сам же стал жертвой этой тяжелой болезни".

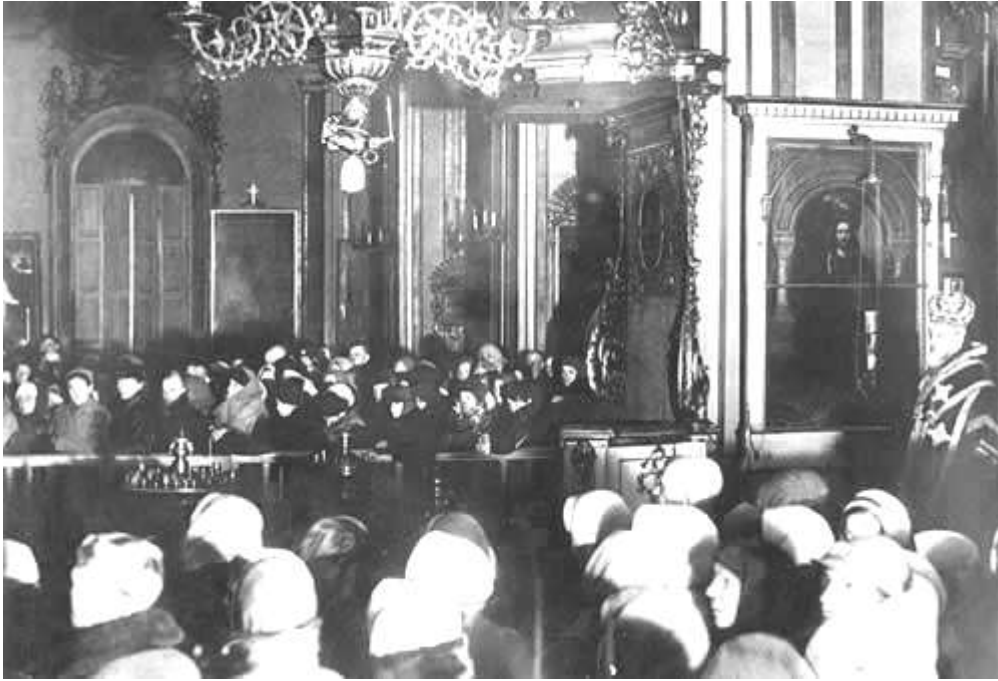
Церковь в блокадном Ленинграде

Когда нацистская Германия и ее союзники вторглись на территорию СССР, Ленинградская епархия одной из первых откликнулась на призыв Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия всеми силами выступить на защиту Отечества.

Митрополит Алексей (Симанский)

Ленинградскую епархию в период блокады возглавлял известный церковный деятель митрополит Алексей (Симанский), впоследствии Патриарх Московский и всея Руси. В самом городе и северных пригородах, оказавшихся в кольце блокады, в его ведении находились Никольский кафедральный и Князь-Владимирский соборы, а также церкви: Никольская Большеохтинская, Волковская кладбищенская Св. Иова, Димитриевская Коломяжская и Спасо-Парголовская.

*Богослужение в Николо Божоявленском кафедральном соборе
в дни блокады совершает митрополит
Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский)*

Уже вечером 22 июня 1941 года митрополит Алексий провел службу в Никольском кафедральном соборе. В своей проповеди он говорил, что переживает глубокую скорбь за любимый город Ленинград. 26 июля митрополит обратился к верующим Ленинградской епархии с посланием "Церковь зовет к защите Родины". Он отмечал, что ленинградцы активно собирают средства на нужды фронта, резко осудил гитлеризм и предсказал его поражение. Призывая с оружием в руках отстоять независимость страны, в заключение митрополит Алексий сказал: "Война - священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды <...> Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества".

Понимая большое значение партизанского движения в тылу немецко-фашистских войск, митрополит особо обратился к партизанам и жителям оккупированных районов с призывом:

"Продолжайте же, братья, подвизаться за веру, за свободу, за честь Родины; всеми мерами, и мужчины, и женщины, помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизан, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ".

Через штаб партизанского движения, руководимого секретарем обкома ВКП (б) М. Н. Никитиным, обращение митрополита Алексия в листовках было переправлено за линию фронта и распространено среди партизан и населения. Голос Церкви из блокадного Ленинграда был услышан.

О силе его воздействия свидетельствует письмо митрополиту Алексию православного христианина - бойца 2-й партизанской бригады А. Г. Голицына:

"Тебе пишу я и ставлю Вас в известность, что Ваш агитлисток, который Вы засылали в тыл врага к своим единовверным братьям, временно попавшим под немецкое рабство, его я, как партизан, до прихода в Ленинград хранил.

Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим и борьбе против фашизма. Этот листок среди населения - как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого он будет обнаружен. Быть может, Вас уже ставили в известность об этом. Но я, так как его хранил и им агитировал, довожу Вам, что он оказал немалую роль. Его Вам и шлю. Желаю Вам дальнейших успехов в Вашей жизни и плодотворной работе во имя нашей Родины, во имя победы над фашизмом".

*Митрополит Ленинградский и
Новгородский
Алексий (Симанский).
Ленинград, блокада*

Архиепископу Ленинградскому Алексию разрешили остаться в осажденном городе для того, чтобы поддержать дух его жителей. Он провел в Ленинграде 900-дневную блокаду. "Бог судил нам, - писал Алексий, - испытать бедствие, обрушившееся над родной землей, испить горькую чашу временного порабощения фашистскими злодеями".

Особенную известность получила его проповедь, произнесенная 10 августа. В ней говорилось о патриотизме и религиозности русского человека. Авторитет и влияние Ленинградского митрополита в это время были настолько велики, что 12 октября 1941 года Патриарший Местоблюститель в своем завещательном распоряжении именно его назначил своим преемником.

С лета 1941 года митрополит жил в небольшой квартире на хорах третьего этажа Никольского собора. Иподиакон владыки в период блокады Константин Федоров вспоминал:

"Резиденция митрополита состояла из кабинета и кухни на хорах Николо-Богоявленского кафедрального собора, перегороденных занавеской. Диакон Павел Маслов и иподиаконы часто оставались ночевать на хорах собора за клиросом <...>, а сам (митрополит) при этом ложился спать в ванной, накрытой досками. Сестра митрополита, жившая с ним, А. В. Погожева, спала в кухне, где было тепло, т.к. дровами топили плиту. В войну собор, как и другие храмы, в целом не отапливался".

Митрополит Алексий прилагал все силы для того, чтобы богослужения продолжались. Не обращая внимания на артобстрелы, он, зачастую пешком, обходил ленинградские храмы, беседовал с духовенством и мирянами. В дни

блокады он служил Божественную литургию один, без диакона, сам читал записки с поминаниями "за здравие" и "за упокой".

Двери квартиры митрополита были открыты для всех посетителей. По воспоминаниям протоиерея Николая Ломакина:

"Очень многим владыка из личных средств оказывал материальную помощь, немалым лишая себя, по-христиански делился пищей. Желая молитвенно утешить и духовно ободрить пасомых <...>, он нередко сам отпевал усопших от истощения мирян, невзирая при этом на лица, и обставлял эти погребения особенно торжественно".

Лишь 11 июля 1943 года митрополит Алексей впервые за время блокады на короткий срок покинул город и прибыл в Ульяновск, где в то время проживал Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). Многие верующие в Ульяновске запомнили, как владыка Алексей с удивлением говорил: "Боже, как вы все здесь много едите".

Митрополит Алексей (Симанский).

Митрополит постоянно совершал крестные ходы вокруг храма. Певчая М. В. Долгинская, служившая с весны 1942 году в войсках ПВО, вспоминала, что однажды во время ее возвращения в казарму на Фонтанке внезапно начался налет германской авиации. Она побежала к Никольскому собору, чтобы укрыться. "И вдруг из ворот вышли люди. Они двинулись вокруг храма гуськом, держась в темноте друг за друга. Впереди всех шел митрополит Алексей, подняв к небу икону "Знамение". Каждый вечер после литургии он обходил с нею собор. Даже налет не остановил его".

В 1943 году особенно часто обстреливался именно Никольский собор. Однажды в него попали три снаряда, причем осколки врезались в стену кабинета митрополита. Владыка вошел в алтарь, показал причту осколок снаряда и, улыбаясь, сказал: "Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Теперь недолго осталось".

Упомянутый осколок сохранился и сейчас находится в Троице-Сергиевой лавре. Во время другого обстрела Никольского собора митрополит Алексей, понимая, что у верующих могут не выдержать нервы, а если они побегут из храма, у дверей будет давка, вышел на хоры и, сказав слово, успокоил людей.

15 мая 1944 года скончался Патриарх Сергей, и согласно его завещанию в должность Патриаршего Местоблюстителя вступил митрополит Алексей. Вместо него в сентябре 1944 года Ленинградскую епархию возглавил архиепископ Псковский Григорий (Чуков), в 1945 году официально назначенный митрополитом Ленинградским.

*Митрополит Ленинградский
Григорий (Чуков)*

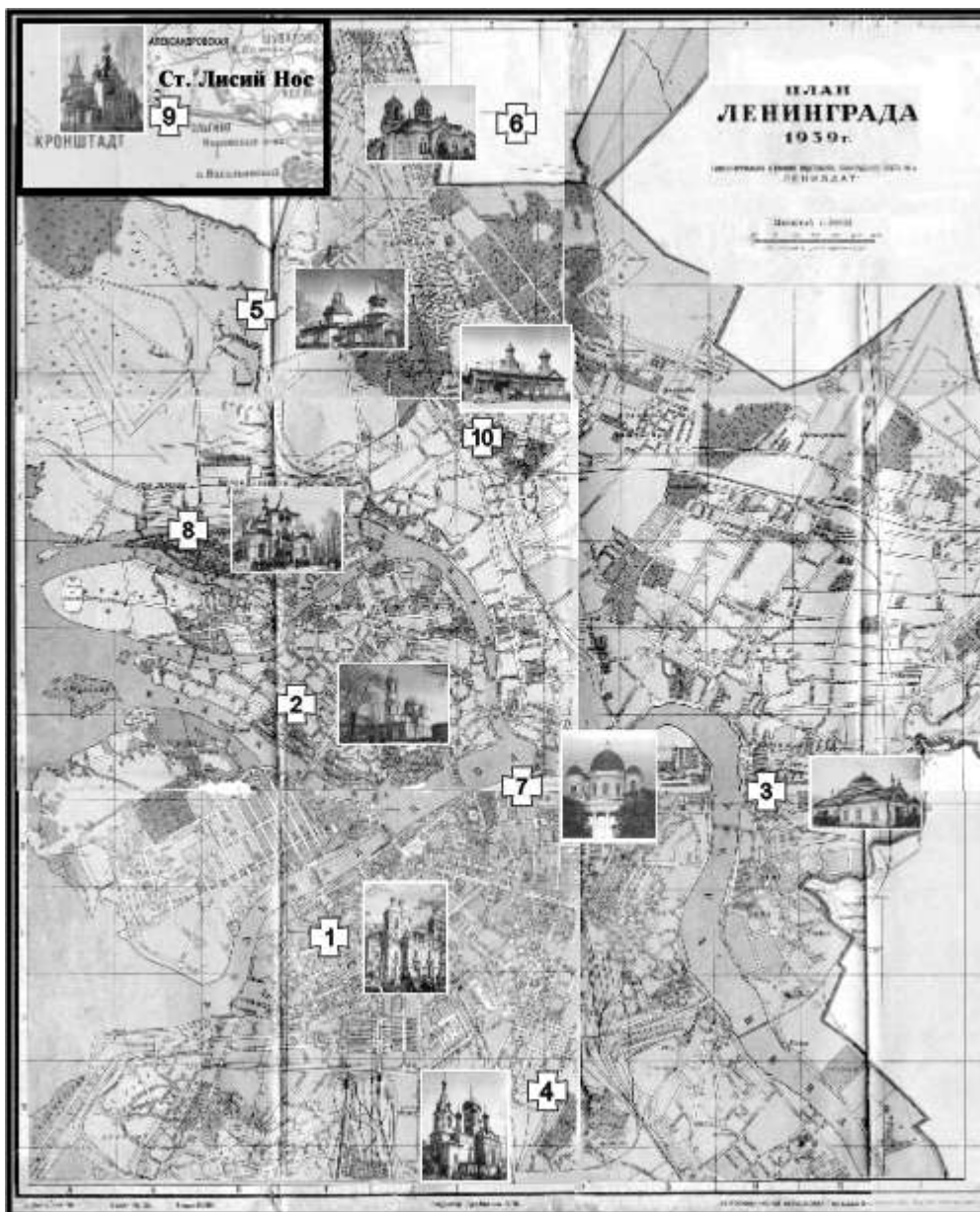
Вскоре после интронизации Алексей приехал в Ленинград. Свое слово за богослужением в Никольском соборе 1 апреля 1945 года Патриарх посвятил блокаде:

"Вспоминаю я, как мы совершали богослужения под грохот разрывов, при звоне падающих стекол и не знали, что с нами будет через несколько минут <...> И хочется мне сказать: град возлюбленный! Много горького пришлось пережить тебе, но теперь ты, как Лазарь, встаешь из гроба и залечиваешь свои раны, а скоро и предстанешь в прежней красоте <...> Я призываю благословение Божие на град сей, на братьев сопастырей моих, о которых сохраняю самые теплые воспоминания. Они разделяли со мной все труды, испытывали много скорбей, еще больше, чем я, и теперь несут тяжелый подвиг <...> И будем молиться, чтобы Господь простер благословение свое над Русской Церковью и над дорогой Родиной нашей".

Решением Верховного Совета СССР митрополит Алексей был награжден медалью "За оборону Ленинграда".

Церковная жизнь в блокаду

В Ленинградской епархии, одной из крупнейших в стране, к 1941 году уцелел лишь 21 православный храм, были закрыты монастыри и духовные учебные заведения, отсутствовала церковная печать. К этим трудностям прибавились суровые тяготы войны и блокадного города.

1. Николо-Богоявленский (Морской) собор, Никольская пл., д. 1.3
2. Князь-Владимирский собор, ул. Блохина, д. 26
3. Церковь Свт. Николая Чудотворца на Большеохтинском кладбище пр. Металлистов, д. 5
4. Церковь Св. Прав. Иова Многострадального на Волковом кладбище, Камчатская ул., д. 6
5. Церковь Св. Вмч. Дмитрия Солунского в Коломягах, 1-я Никитская ул., 1А
6. Спасо-Парголово-Васильевская Церковь на Шуваловском кладбище, Выборгское шоссе, д. 6
7. Спасо-Преображенский Собор, Преображенский пр., д. 1
8. Церковь Прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Новая деревня, Серебряков пер., д. 1
9. Князь-Владимирская церковь на ст. Лисий Нос, Балтийский пр-т, д. 37
10. Свято-Троицкая Церковь в Лесном, Гражданский пр., д. 7

В сентябре 1941 года немецко-фашистские войска вплотную подошли к Ленинграду. 8 сентября оккупантами был захвачен Шлиссельбург.

Германское командование, не сумев захватить город штурмом, решило задушить Ленинград голодом, холодом, непрерывными артиллерийскими обстрелами и авиационными бомбардировками. Тревогами и лишениями наполнилась жизнь Ленинграда. С каждым днем в городе росла смертность. В октябре 1941 года было зарегистрировано 7,3 тысяч погибших, в ноябре - 11 тысяч, в декабре - 52,8 тысяч.

Патриотические чувства в сердцах верующих ленинградцев поддерживал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей.

"Победа, - говорил он в своем обращении, - достигается силой не одного оружия, а силой всеобщего подъема и мощной веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, спасающего нас "от малодушия и от бури" (Пс. 54; 9). И само воинство сильно не одной численностью и мощностью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ".

Вместе со всем населением блокадного Ленинграда служители Церкви сопротивлялись смерти, не давали ей овладеть живыми. Символично, что Церковь участвовала, хотя и косвенно, в открытии "Дороги жизни" через Ладогу. Многовековые записи наблюдений за Ладожским озером валаамских монахов позволили в 1942 году гидрографу Е. Чурову сделать прогноз поведения ладожского льда.

8 сентября 1941 года сомкнулось кольцо блокады. Начались артиллерийские обстрелы города. От снарядов и бомб пострадали Никольский, Князь-Владимирский соборы, здание бывшей Духовной академии, где тогда размещался госпиталь. Даже отдаленная Коломяжская церковь в ноябре подверглась бомбардировке. Тем не менее богослужения в действовавших

храмах продолжали совершаться ежедневно. Первоначально по сигналу тревоги молящиеся уходили в бомбоубежища. Но вскоре люди привыкли к обстрелам и бомбежкам, и службы зачастую не прерывались.

Церковь св. Дмитрия Солунского в Коломягах была одной из немногих, которые оставались действующими во время блокады Ленинграда

Рано наступившая зима 1941 года оказалась на редкость суровой. В городе почти прекратилась подача электроэнергии, остановился транспорт, многие здания не отапливались. В храмах температура упала до нуля, порой замерзло масло в лампадах, все больше людей умирало от голода. Протоиерей Николай Ломакин, давая свидетельские показания на Нюрнбергском процессе, рассказывал, что вокруг Никольской церкви на Большеохтинском кладбище можно было в течение целого дня видеть от 100 до 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник. Всем ленинградским священнослужителям, в том числе митрополиту Алексию, приходилось постоянно заниматься этим скорбным делом.

Голодная блокада не щадила и духовенство. Только в Князь-Владимирском соборе в зиму 1941-1942 гг. умерли восемь членов клира. В Никольском соборе во время богослужения умер регент, не пережил голодную зиму келейник митрополита Алексия инок Евлогий.

Балерина Кировского театра И. В. Дубровицкая писала о своем отце, протоиерее Никольского собора Владимире Дубровицком: "Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел в храм. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь, упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: "Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить". И шел в свой собор. За всю блокаду, обстрел ли, бомбежка ли, ни одной службы не пропустил".

Священники и их паства в блокадном городе жили одной судьбой. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Без какого-либо участия городских властей в подвале Спасо-Преображенского собора было оборудовано бомбоубежище на 500 человек для прихожан и жителей окрестных домов. Имелся кипяток, запас медикаментов, в случае необходимости в подвале можно было переночевать. Нуждающимся помогали деньгами, дровами, свечами, маслом для освещения и другими жизненно необходимыми вещами. С довоенных времен в соборе хранились строительные материалы, и прихожанам делали из железных листов печи для обогрева квартир, выделяли фанеру, картон, чтобы заменить ими выбитые взрывной волной оконные стекла.

Когда в первой половине 1942 года развернулась массовая эвакуация, почти все служащее духовенство, кроме двух священников (Сергия Бычкова и Илии Попова), осталось на своих местах. Легально проживавшие в городе священнослужители, как и их прихожане, получали мизерные продовольственные карточки. Подавляющее большинство священно- и церковнослужителей честно, порой жертвуя жизнью, исполняли свой долг. Значительная часть их не пережила зиму 1941/42 года.

Весь период блокады продолжался значительный рост религиозного чувства горожан. Тысячи людей принимали крещение. Богослужения проходили при переполненных храмах. Даже в будние дни подавались горы записок о здравии и упокоении. Литургию в них вопреки церковным канонам нередко служили

так же, как это делали священники-заключенные в лагерях - на ржаной просфоре. Вместо вина порой использовался свекольный сок.

Справедливости ради следует отметить, что репрессии духовенства продолжались и в период блокады. Во второй половине 1941-1942 гг. были арестованы как минимум пять священнослужителей. Единственным существенным шагом городских властей навстречу верующим стало выделение приходам минимально необходимого количества вина и муки для причащения верующих, так как в заблокированном городе эти продукты было невозможно купить.

Первое заявление о выделении муки и вина в Ленсовет поступили в начале ноября. В ходатайстве приходского совета церкви Св. Иова говорилось, что с 11 сентября просфоры выпекаются при храме в небольшом количестве из муки, пожертвованной верующими, но теперь из-за невозможности приобретения вина и муки "в церкви в ближайшее время могут прекратиться богослужения".

Для принятия решения об оказании помощи приходам городскому руководству понадобилось почти два месяца. И все-таки 29 декабря 1941 года православным общинам города были впервые выделены в общей сложности 85 кг муки и 75 литров вина. Продукты были выданы не бесплатно - прихожане оплачивали их по государственным расценкам. Конечно, выделяемых продуктов хватало лишь для удовлетворения минимальных богослужбных потребностей. Так, согласно свидетельству прихожан, в мае 1942 года в Никольской Большеохтинской церкви просфоры были размером с пятикопеечную монету, а вина выделялось не более двух столовых ложек на службу, и решено было "совершать причастие с предельно разбавленным водой вином". Объем выдачи продуктов на протяжении всех лет блокады почти не менялся. Выделенные хлеб и вино ценились в храмах чрезвычайно высоко и их распределяли понемногу на все богослужения в течение месяца.

Потрясающим свидетельством положения ленинградцев во время блокады стали показания 27 февраля 1946 года свидетеля обвинения от СССР на Нюрнбергском процессе благочинного церковью Ленинграда протоиерея Николая Ломакина.

Л. Н. Смирнов, помощник главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе, просил отца Николая рассказать Трибуналу о своих наблюдениях, сделанных во время службы в Никольской церкви Георгиевского кладбища Ленинграда в годы блокады. Приведем выдержки из стенограммы допроса.

Свидетель Ломакин рассказывал:

"В 1941 г. и в начале 1942 г. я был настоятелем кладбищенской Никольской церкви. Здесь я наблюдал следующие трагические картины, о которых хотел бы сейчас подробно рассказать Трибуналу. Спустя несколько дней после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я был свидетелем огромного увеличения числа отпеваний умерших. Это были дети, женщины и престарелые люди, погибшие в результате налетов немецкой

авиации на город, - мирные жители нашего города. Если до войны количество умерших колебалось от 30 до 50 человек в день, то во время войны цифра эта быстро увеличилась до нескольких сот в день. Не было физической возможности внести умерших в храм. Вокруг храма образовалась громадная очередь ящиков и гробов, наполненных кусками человеческого мяса, изуродованными трупами мирных жителей Ленинграда, погибших в результате варварских налетов немецкой авиации.

Наряду с отпеваниями принесенных к храму покойников необычайно возросла практика так называемых "отпеваний". Верующие люди не могли поставить в храм своих умерших родственников и знакомых. Их родственники и знакомые погребены были под обломками, под развалинами уничтоженных немцами жилых домов. Вокруг храма можно было в течение целого дня видеть груды гробов - 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник.
<...>

В зиму 1941-1942 гг. положение Ленинграда в блокаде было особенно тяжелым. Непрекращающиеся налеты немецкой авиации, артиллерийский обстрел города, отсутствие света, воды, транспорта, канализации в городе и, наконец, ужасающий голод - вследствие всего этого мирные жители города испытывали неслыханные в истории человечества страдания. Это были воистину герои, страдавшие за Родину, неповинные мирные жители.

Наряду с тем, что я сейчас вам рассказал, мне приходилось видеть и другие ужасные картины, когда я служил настоятелем этой кладбищенской Никольской церкви. Кладбище многократно подвергалось жесточайшим налетам немецкой авиации. И вот представьте себе картину, когда люди, нашедшие вечный покой, - гробы, их тела, кости, черепа - все это выброшено взрывами бомб на землю, в беспорядке разбросаны памятники, кресты, и люди, только что пережившие потерю близких, должны снова страдать, видя громадные воронки, где, может быть, только что похоронили они своих близких, родных и знакомых, снова страдать, что им нет покоя".

В заключение прокурор Л. Н. Смирнов спросил отца Николая: "В период голода в какой степени увеличилось количество отпеваний в вашей кладбищенской церкви?"

Отец Николай ответил: "Как я уже сказал, вследствие невероятных условий блокады, вследствие непрерывных налетов немецкой авиации на город, вследствие артиллерийских обстрелов города количество отпеваний усопших дошло до невероятной цифры - до нескольких тысяч в день. Мне особенно сейчас хочется рассказать Трибуналу о том, что я наблюдал 7 февраля 1942 года. За месяц до этого случая, истощенный голодом и необходимостью проходить большие расстояния от дома до храма и обратно, я заболел. За меня исполняли обязанности священника мои два помощника. 7 февраля, в день Родительской субботы, перед началом Великого поста, я впервые после болезни пришел в храм, и открывшаяся моим глазам картина ошеломила меня - храм был окружен грудями тел, частично даже заслонившими вход в храм. Эти

груды достигали от 30 до 100 человек. Они были не только у входа в храм, но и вокруг храма. Я был свидетелем, как люди, обессиленные голодом, желая доставить умерших к кладбищу для погребения, не могли этого сделать и сами обессиленные падали у праха почивших и тут же умирали. Эти картины приходилось наблюдать очень часто".

С осени 1943 года представителей ленинградского духовенства стали привлекать к участию в общегородской общественной работе. Так, протоиерей Николай Ломакин участвовал в деятельности городской и областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 11 октября 1943 года впервые за все годы советской власти двенадцати ленинградским священнослужителям была вручена правительственная награда - медаль "За оборону Ленинграда".

Происходили и другие перемены. 14 декабря 1943 года Ленинградскому митрополиту было разрешено иметь технический аппарат, и 15 апреля 1944 года в здании Никольского собора открылась епархиальная канцелярия.

Духовенство Ленинградской епархии, награжденное медалями «За оборону Ленинграда» вместе со своим митрополитом Алексием (Симанским)

Торжественно и празднично отмечалось верующими полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита 27 января 1944 года были совершены благодарственные молебны.

Вот как описывалось в "Журнале Московской Патриархии" народное ликование, охватившее избавленный от блокады Ленинград:

"Весть о блестящих победах нашей великой Красной армии на Ленинградском фронте и полном освобождении Ленинграда от вражеской блокады была принята гражданами Ленинграда с неопишуемой радостью <...> Целые толпы ликующего народа наполняли проспекты великого города, и до поздней ночи народ не расходился, кликами радости выражая свой восторг и ликование.

В ближайший воскресный день, 23 января, в храмах Ленинграда было особенно многолюдно. В Никольском соборе служил митрополит, который перед торжественным молебствием обратился к молящимся с приветственным словом, призывая всех благодарить Бога за дарованную ленинградцам великую радость избавления от постоянного страха за свою жизнь, за жизнь своих близких. <...>

Митрополит говорил о том, что не напрасны были молитвы Церкви о победе над врагом, и эта победа нам теперь дарована. <...>

Во всех храмах города по благословению митрополита совершались в этот день торжественные благодарственные молебствия, перед началом которых настоятелями было прочитано следующее слово митрополита Алексия:

"Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте. Эта победа отозвалась неопишуемой радостью в наших сердцах и вызвала в них новую горячую волну благодарности и любви к нашим славным, в подлинном смысле победоносным, защитникам"".

Церковная жизнь на оккупированных территориях Санкт-Петербургской (Ленинградской) епархии в 1941-1944 гг.

Учитывая героический вклад ленинградского духовенства в общенародную борьбу с врагом, Президиум Верховного Совета СССР неоднократно принимал решения о награждении особо отличившихся священнослужителей. 11 октября 1943 года группа православных священнослужителей была награждена медалью "За оборону Ленинграда". Впервые за годы Советской власти совершалось награждение священников, притом боевой наградой. Тем самым официально признавались их патриотические заслуги. Первым получил награду в Смольном митрополит Ленинградский Алексий.

27 января 1944 года блокада Ленинграда была окончательно снята. В честь этого события в городе прогремел победный салют. В Никольском соборе торжественный молебен служил сам митрополит Алексий. Вместе с грохотом салютующих орудий над северной столицей раздавался звон колоколов храмов и церквей. За 872 дня блокады ленинградцы потеряли более 800 тысяч жителей и защитников города (по другим данным, более одного миллиона), но не отдали Ленинград врагу. Вместе со всеми блокадниками чаша горя и слез была до конца испита ленинградскими священнослужителями, выполнявшими свое христианское и патриотическое служение. И память об этом навсегда останется в истории России.

Особая роль, которую сыграла Церковь в жизни осажденного Ленинграда.

Обращение к Церкви в блокадном городе носило массовый характер, более значительный, чем в большинстве других районов страны. То, что обессилевшие люди все же заполняли блокадные храмы, говорит о том, что вера Православная и в тот трагический период являлась жизненно необходимой частью народной жизни, была тем источником, откуда черпали силы многие защитники и жители блокадного города. Религиозный фактор сыграл важную роль в обороне города.

Действовавшие весь период блокады храмы активно содействовали мобилизации материальных средств и духовных сил ленинградцев. Этого не могли не учитывать городские власти: их церковная политика начала меняться еще до кардинального изменения общегосударственного курса.

